

переводах Тютчева из Шиллера «кардинальное переосмысление» мировоззренческих основ творчества немецкого поэта. Конечно, Тютчев успел далеко уйти от высокого шиллеровского оптимизма, который перекрывал все беды истории.

В работах Д. В. Лобачёвой, Д. А. Олицкой и других участников семинара и сборника исследуются русские переводы лирики Ф. Гёльдерлина, Й. Эйхендорфа, К. Brentano и австрийского поэта и переводчика XX века П. Целана именно как переосмысление подлинников. Отступления от оригинала фиксируются ими в общем не как ошибки переводчиков, а как невозможность сказать иначе, как лингвистические, эстетические и ментальные пределы, объективно, в силу различия языков и культур существующие между русской и немецкой литературами. Границы эти проницаемы, но не до конца. Особенно верлибр кажется на вид легко переводимым, но, по сути дела, полностью его не передать, поскольку он весь построен не на традиционной стиховой стопе и рифме, а на игре ударений и звуко сочетаний.

В большой статье Д. Н. Веловой «Цикл Р. М. Рильке „Сонеты к Орфею“ в русских переводах» (с. 118—156) выясняется, что поэтика стихов Рильке, как ни у какого другого поэта, основывается не столько на смысле слов (подчас весьма темном и субъективном), сколько на гармонии звуков, которой Рильке владел виртуозно. Та самая эвфония — *единство* звучания и значения, о которой говорилось выше, здесь основа всего. Поэтому старания русских переводчиков поэзии Рильке пока дают лишь частичный (скудный, добавили бы мы) результат. «В русских переводах в пределах одного сонета оказывается раскрытой какая-либо одна составляющая этого единства», — констатирует автор статьи о Рильке (с. 123).

То же самое относится и к русским переводам вольного стиха П. Целана. Из приме-

ров, приведенных в статье Н. Е. Никоновой «Пауль Целан в русских переводах и как переводчик русской поэзии» (с. 137—158), наверное, достаточно одного — строк из стихотворения «Сжатие». Подлинник: «Lies nicht mehr — schau! Schau nicht mehr — geh!» Эти выкрики односложных слов воспроизвести по-русски очень трудно, если не невозможно. Односложность передает здесь страсть, которая давит на слово «изнутри», грозя разорвать ткань языка. Этой сжатой, как пар в котле, энергии нет, к сожалению, в имеющихся русских переводах. Вот перевод А. Глазовой: «Хватит читать — смотри! Хватит смотреть — иди!» Перевод О. Седиковой: «Довольно читать — смотри! Довольно смотреть — иди!» (см. с. 141). Поэтика страстного, взрывного высказывания помогала Целану переводить О. Мандельштама, С. Есенина и других русских поэтов XX столетия.

Из вклада зарубежных гостей томского семинара отметим содержательную обзорную работу доцента Ренаты Ганзен-Кокорун (Мангейм) «Немецко-русские литературные и культурные связи в эпоху романтизма» (с. 159—172). Черты картины мира у русских и немецких поэтов, как оказалось, существенно разнятся, несмотря на общность многих деталей и на общее для эпохи понятие романтизма.

Подводя итог материалам обсуждаемого издания, снова высоко оценим проблематику, которая поднимается в нем. Известно, что мысль выражается на каждом языке по-иному — не настолько, чтобы носитель другого языка не мог понять ее, но ровно настолько, чтобы выразиться в поэзии неповторимо. Поэтому переводчику всегда полезно, по словам Гете, «понять поэта и страну», чьи произведения он собирает переносить на свою родную почву. Томские исследователи и их зарубежные коллеги снабдили переводчиков теоретическим путеводителем, которому можно верить.

© А. Г. Гродецкая

ЖИВАЯ ЖИЗНЬ В КОНТЕКСТЕ ВЕЧНОСТИ*

У книги А. М. Зверева и В. А. Туниманова трагическая судьба, фамилии обоих авторов — в траурных рамках. Алексей Матвеевич Зверев довел работу над биографией Толстого до «переворота» (части первая—вторая), последняя им написанная глава по-

священа «Анне Карениной», и... смерть не дала окончить начатое. Вдова Алексея Матвеевича театровед Н. Д. Старосельская обратилась к давнему другу мужа Владимиру Артемовичу Туниманову с просьбой завершить его труд. Он фактически досоздал толстовское жизнеописание, взяв на себя изложение сложнейшего позднего этапа его творчества и биографии (части третья—пятая, раздел «Драматургия Толстого»). Работу В. А. Туниманов завершил, но и он ушел из жизни в мае 2006 года, не дожив до выхода книги в свет.

* Зверев Алексей, Туниманов Владимир. Лев Толстой / Вступ. статья В. Я. Курбатова. М.: Молодая гвардия, 2006. 782 с. (Серия «ЖЗЛ».)

Грустно, почти безысходно звучит констатация авторов в «Послесловии»: «В Америке и Канаде интерес к Толстому сегодня, как никогда, высок». — А у нас? «...Как-то вяло и почему-то с оглядкой. (...) Похоже, что Россия, в начале XX века боготворившая Толстого, на исходе его охладыла к своему великому романисту» (С. 773).

Достаточно зайти в книжный магазин (в Петербурге), чтобы убедиться, что это так. На полках в лучшем случае одна-две переводные монографии и/или републикации. Североамериканские слависты единодушны в том, что в последние два десятилетия они переживают бум интереса к Толстому, и интерес этот давно сместился к Толстому от Достоевского (в посмертном соперничестве они, наверное, пребудут вечно). Два десятка лет существует Международное общество Толстого, вне России с 1990 года выходит специальный толстовский журнал «Tolstoy Studies Journal», вне России, главным образом в Америке и Канаде, издано за последнее время несколько серьезных, обобщающего характера монографий о Толстом.¹ И без опыта североамериканских славистов теперь, честно сказать, обойтись при изучении его творчества едва ли возможно.² Но возможно ли обойтись без голосов из России?

Вопрос об «охлаждении» к Толстому жестко поставлен авторами. Жесткость и честность отличают их позицию в целом, что в предисловии к книге отметил В. Я. Курбатов. Жестко и честно были написаны и первые рецензии — много, помня всем известные чеховские слова, имя Толстого не позволяет. К созданию биографии писателя, как пишет А. Немзер, авторов вел «не только профессиональный интерес (тоже ставший редитомом, хотя головокругжительная сложность толстовского «материала» по идее должна как страшить, так и неудержимо привлекать всякого филолога), но и человеческая необходимость высказывания о самом главном». Соглашаясь с «Послесловием», А. Немзер ищет причины общего нашего отчуждения от Толстого: «Горько писать (многораз горше — чувствовать), но Толстой — писа-

тель не востребованный. (...) Удаление от Толстого (удаление Толстого) началось не вчера, а в поздние 70-е, когда и замешивался наш фирменный коктейль из расслабленной (но нетерпимой) неофитской религиозности (тогда осторожно именовавшейся «идеализмом»), уютного культуропоклонничества, копейной оппозиционности (кукиш в кармане), тяги к «оригинальности» и стойкого цинизма. Для этой смеси Толстой был не нужен — и не только как моралист и религиозный мыслитель, во всем идущий до конца, но и как художник из художников, искусство которого настолько приближается к вечно текущей, непостижимо сложной, превышающей любые людские разумения Жизни, насколько это вообще искусству доступно. Толстого вообще невозможно «приспособить», «припрять», «встроить в контекст» той или иной идеологии (включая «толстовство») или художественной тенденции (включая «реализм»). Частые опыты «присвоения» Толстого так зримо искажают суть его жизненного дела, так грубо и наивно насилуют его царственное слово, что практически всегда отдают комизмом...»³ Другой рецензент рекомендует, долистав книгу до конца (дочитать, с его слов, удается не сразу), «начать перечитывать сначала. Обложившись сочинениями самого Толстого, материалами к его биографии, множеством мемуаров, перепиской. Толковые современные комментарии ко всему этому еще не написаны».⁴

Вот так: не написаны комментарии, не постигнуто ни толстовское разумение жизни, ни его царственное слово, не прочитаны мемуары, не говоря о биографии и материалах к ней. Между тем над биографией Толстого трудились десятилетиями как его ученики и последователи, так и замечательные исследователи его творчества и жизни («Материалы», как известно, собирал Н. Н. Гусев, после него — Л. Д. Опульская). Толстому вообще везло с биографами, несмотря на то что толстовский «материал», действительно, предполагает в биографе эпика. Первой биографией Толстого, начатой еще при его жизни и с его участием, было 4-томное жизнеописание П. И. Бирюкова. Ценность его неоспорима, на него прежде всего опирались все последующие биографы. А их было немало. Это и В. В. Вересаев, автор «Живой жизни», и Бунин, на протяжении 30 лет работавший над собственным эпосом — книгой «Освобождение Толстого», и последователь Толстого американец Эйлер Моод, и Ромен Роллан, создавший свою «Жизнь Толстого» наряду с жизнеописаниями Бегховена и Микеланджело, и Анри Труайя, наконец, и В. Б. Шкловский, предшественник по серии

¹ Имею в виду монографии Р. Густафсона, Г. С. Морсона, Р. Силбаджориса, Д. Орвина, Г. Джана, Э. Манделкера, К. Фойера, А. Донскова и др.

² Ср. неутешительный вывод авторов обзора журнала «Tolstoy Studies Journal»: «...главное заключается в том, что создан и издается узкопрофессиональный журнал, который обеспечивает нормальное функционирование целой отрасли американской русистики. В те годы, когда в нашем отечестве толстоведение стало сходиться практически на нет, американские коллеги двигали его вперед с невероятной активностью» (Сорочан А., Стржанов М. Обзор журнала «Tolstoy Studies Journal» // НЛО. 2003. № 64. С. 423).

³ См.: Немзер А. Напоминание о главном // Время новостей. 2007. 9 февр.

⁴ Шевелев И. Толстой после Шкловского // Московские новости. 2007. 4 мая.

«Жизнь замечательных людей» А. М. Зверева и В. А. Туниманова.

Другое дело, что труды эти, за исключением опубликованной «Биографии» Бирюкова,⁵ почти не переиздаются, как не переизданы до сих пор ни в чем не устаревшие и никак не «припращенные» к идеологии времени работы Б. М. Эйхенбаума, вышедшие первыми (и единственными) изданиями в 1922, 1928 и 1931 годах.⁶

Однако столь явственно осознаваемый авторами «уход» Толстого из современности становится, как это обычно и бывает, залогом и предвестником его скорого и неизбежного возвращения. Новый ЖЗЛ-овский «Толстой» — одно из свидетельств этого возвращения. Ситуация «вокруг Толстого» действительно должна измениться и уже буквально на глазах меняется. Выходят тома Полного академического собрания его сочинений (100-томного), изданы или переизданы «Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями» (1990), «Неизвестный Толстой в архивах России и США» (1994), «Новые материалы Л. Н. Толстого и о Толстом. Из архива Н. Н. Гусева» (1997), «Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов: Полное собрание переписки» (2003); возобновились (после огутного перерыва) «Яснополянские записки» и «Яснополянский сборник», «Толстовский ежегодник», «Толстой и о Толстом». Характерно в данном случае (и в названиях) возвращение к имевшим успех изданиям 1920-х годов, как характерно и появление антологий, объединивших статьи о Толстом выдающихся русских мыслителей первой трети XX века — С. Л. Франка, Л. И. Шестова, Н. Я. Грота, П. Б. Струве, Е. Н. Трубецкого, С. Н. Булгакова, В. В. Розанова, Н. А. Бердяева, Н. О. Лосского, Д. С. Мережковского, Г. В. Флоровского, И. А. Ильина, В. Н. Ильина, Ф. А. Степуна и др.⁷

⁵ Бирюков П. Биография Л. Н. Толстого. Кн. 1—2. М.: «Алгоритм», 2000. (Напечатана по изд. 1923 года.)

⁶ Эйхенбаум Б. 1) Молодой Толстой. Пб.; Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1922; 2) Лев Толстой. Книга первая: 50-е годы. Л.: «Прибой», 1928; 3) Лев Толстой. Книга вторая: 60-е годы. Л.; М.: ГИХЛ, 1931. В Мюнхене — для сравнения — репринт был издан: Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: В 2 т. 1928/1931. Reprint. München: Wilhelm Fink Verlag, 1968. Не менее показательно и парижское издание: О религии Льва Толстого: Сб. статей. М., 1912. Reprint. Paris: YMCA-Press, 1978.

⁷ Л. Н. Толстой: pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института. 2000; Русские мыслители о Льве Толстом. Тула: Изд. дом «Ясная Поляна», 2002.

Теперь стоит перейти к новой биографии Толстого. Авторы конца века обращаются в ней к его началу. Опыт осмысления русской философией начала века художественных открытий Толстого, его дневниковых и публицистических откровений, его этики, религии и социальных программ, значения его живого слова и живой жизни для русской и мировой культуры вошел в книгу А. М. Зверева и В. А. Туниманова во всей полноте. Зримо и незримо здесь присутствуют младшие современники писателя, в согласии или же горячей полемике с которыми и воссоздается его жизнь — «жизнь как путь». Полемикой с Мережковским, собственно, и открывается книга, и постоянным его оппонентом выступает Бунин. «„Тайновидец плоти“ — формула, найденная Мережковским еще при жизни Толстого, долгие годы воспринималась как бесспорная, хотя она содержит в себе очевидную несправедливость, поскольку предполагает противопоставление Достоевскому, этому „тайновидцу духа“. Однако Бунин, восторгаясь необыкновенно живой чувственной памятью Толстого, взял слово „память“ в кавычки (...). Если это и воспоминания, то не о себе, а о чем-то длящемся мириады лет, пока на земле существует жизнь, и лишь воплотившемся в Толстом с какой-то особенной яркостью» (С. 12). И еще одна отсылка к Бунину: «Пристрастный, не всегда убедительный в частных суждениях, Бунин, однако, очень тонко уловил парадоксальную сущность Толстого, написав про уникальное понимание „плоти мира“, про не имеющую аналогов приверженность этой „плоти“ — времени, пространству, причине — и такую же неумную, неистовую страсть превзойти их, избавиться от подчинения „формам“, от всего сиюминутного, мирского, земного» (С. 14). Наконец, главная мысль авторов: «Одержимость вечным, которое то смутным контуром, то отчетливым узором проступает за каждым мгновением текущего, проявилась у Толстого уже в детские годы» (С. 14). И так — из главы в главу, особенно убедительно и настойчиво в первой и второй частях книги. Вечное (вне времени, пространства, причины) живет в «странном человеке» (это название одной из глав) Льве Толстом и в «любовном, таинственном детстве», и в «пустыне отрочества», и в «испанских замках» юности (это также названия глав), и в «правде» Кавказской и Восточной войн, в литературном и хозяйственном творчестве, в любви, в семейном счастье и несчастье.

Чудесное, загадочное, поэтическое, уникальное, великое страница за страницей угадываются и открываются авторами в жизни их героя. Проникновенные и возвышенно-поэтические слова находят для описания тайн этой жизни, для их разгадок: «Из своего детства — поэтического, таинственного, нежного — он сохранил в памяти всепоглощающее чувство любви как естественного состояния

души, как естественного отношения ко всем людям» (С. 38); герои Толстого «живут, открывая перед читателем и полноту существования, переливающегося самыми разными оттенками, и богатство характера, который не подчинен какой-то резко обозначенной доминанте, а, напротив, всегда пластичен и поэтому чужд всякой завершенности» (С. 192).

В двух первых частях биография Толстого создается прежде всего через его автобиографического героя. Толстой как будто постоянно смотрит в себя: самоанализ писателя в письмах и дневниках проверяется и дополняется самоанализом его героя. И так же каждый персонаж реальной толстовской биографии — как прототип персонажа литературного — психологически выверяется этим последним. Убедительный прием, позволивший не разделить, а органично слить жизнь и творчество, показав, как биографическое и творческое прорастают одно в другое. Первые части написаны с исключительным (можно сказать — толстовским) любовным вниманием к подробностям, к мелочам, к «узору» жизненного ковра, если использовать любимое Толстым выражение Герцена. Вторую половину книги едва ли можно сравнить с ковром качеством. У второго ее автора — другой инструмент и другой материал. Он высвечивает лишь отдельные эпизоды и детали в разрозненном биографическом мире Толстого, в безмерно расширившемся пространстве его поздней художественной и философской прозы, публицистики, мемуаристики, дневников, эпистолярия.

Но книга — едина. И «цемент», обеспечивающий единство (это толстовский принцип), держится общностью понимания обоими авторами толстовской уникальности в русской и мировой культуре XIX и XX веков. «Книга „Война и мир“, — читаем мы о великом романе, — стала литературным свершением исключительной важности, потому что она представляла собой органичный сплав лирического и философского повествования, развернутого на фоне исторических событий, имевших громадное значение для национальной судьбы и для всего человечества. (...) „Война и мир“ обнаружила такую неожиданность, такую прочность сцеплений, что этот опыт остался уникальным во всей мировой литературе» (С. 228—229).

Книгу, кроме того, трудно отнести к чисто биографическому жанру. Исследование художественных, публицистических, дневниковых текстов Толстого войдет в фонд авторитетнейших научных трудов. Это относится к наблюдениям, например, над тем, как на смену типическому герою в прозе толстовских современников приходит его герой-личность, герой-индивидуальность, как формируются сами принципы толстовской индивидуализации. Во второй половине кни-

ги рассматриваются народные «типажи» позднего Толстого, «типические» персонажи его поздней публицистики.

Честно признаться, «Толстой» Зверева и Туниманова — не для массового читателя, скорее, для искушенного. Слишком искушены сами авторы, слишком много не произнесенного до них о Толстом (по разным причинам, из-за идеологических запретов советской эпохи прежде всего) хотелось и удалось им сказать. У двух ученых — совершенно свободный (без «оглядки») взгляд на Толстого. В этом и их личное бесстрашие, и заслуга времени. В новом «Толстом» отразилось свободное дыхание последнего десятилетия ушедшего века, в книге нет закрытых тем, все темы открыты. И более того, самые нервно-напряженные, особенно во второй ее половине, мужественно обнажены. Отношения Толстого с православной церковью, например, драма его отлучения впервые поданы «безоглядно» открыто и прямо. Его семейная драма, душевные «метания» Софьи Андреевны, отношения детей—родителей, каждого из детей, показаны так, как не бывали показаны никогда, — откровенно, бестрепетно, порой жестко, по дневникам, переписке, мемуарам многочисленных участников и свидетелей семейных войн и мира. Но при этом — предельно тактично, с неотъемлемым для человека конца XX века знанием онтологической глубины подобных конфликтов. Одиноким толстовский *путь* благодаря тому же знанию закономерно приобретает в книге экзистенциальный привкус. Век двадцатый вошел в книгу не только своим великим «началом», но и всем своим опытом драматических попыток решения «вечных вопросов». Томас Манн и Акутагава Рюноске, Франц Кафка и Жан-Поль Сартр, европейский кинематограф и Мераб Мамардашвили вступают — благодаря авторам — с Толстым в диалог.

Необходимо о создателях биографии Толстого сказать несколько дополнительных слов. А. М. Зверев — специалист по истории литературы Западной Европы и Америки XIX—XX веков, исследователь американского романа XX века, истории русской эмиграции во Франции, автор вышедшей недавно биографии В. В. Набокова. В. А. Туниманов — прежде всего известный достоестовед, хотя и он специалист очень широкого научного диапазона, автор работ о Герцене, Лескове, Гончарове, о русской и европейской прозе, журналистике и критике XIX—XX веков.

Изданная в «ЖЗЛ» биография Толстого представление об «охлаждении» к нему опровергает. Читателя книга эта к Толстому, безусловно, по-новому приближает, заражая, ошеломляя дерзостью, «дикостью», величием его мысли, слова, поступка, беспредельностью смыслов его жизненного *пути*.